

ПАХОМОВ Ю.Н.,
директор Института мировой экономики
и международных отношений, академик НАН Украины,
д.э.н., проф.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В статье освещаются национальные аспекты реструктуризации глобального экономического пространства в современных условиях экономического развития. Автор анализирует основные направления государственной политики Украины в контексте процессов глобальной реструктуризации с учетом национальных интересов и приоритетов.

Ключевые слова: реструктуризация, глобальное пространство, экономическое развитие, интеграция.

Анотація. Стаття присвячена висвітленню національних аспектів реструктуризації глобального простору в сучасних умовах економічного розвитку. Автор аналізує основні напрями державної політики України в контексті процесів глобальної реструктуризації з урахуванням національних інтересів і пріоритетів.

Ключові слова: реструктуризація, глобальний простір, економічний розвиток, інтеграція.

Annotation. The article is devoted to aspects of the national restructuring of the global economic space in the current economic conditions. The author analyzes the main directions of state policy of Ukraine in the context of global restructuring processes according to national interests and priorities.

Keywords: restructuring, the global space, economic development, integration.

Реструктуризация глобального пространства начинается с реструктуризации его основных составляющих – национальных государств. Преобразования в стране определяют ее место в мире и, соответственно, общую картину этого мира.

Выбор Украины, как и других постсоветских государств, осуществленный ею в 90-х годах прошлого века, надолго определил не только расстановку сил на мировой арене, но и судьбу страны, оказавшейся неготовой к выполнению самостоятельной роли и потому не вошедшей в мир на собственных, достойных прошлого ее состоянии, условиях.

Этот выбор, отчасти, был связан с изменением концептуальных подходов к экономическому развитию, а именно – построению либерального общества. Либерализм – понятие, которое у нас воспринимается только позитивно. В общественной жизни это свобода личности и стержень демократии. Против этого возражения неуместны. В экономике же либерализм – это двойственное явление. С одной стороны, экономика эффективна лишь в условиях свободы. С другой, свобода здесь не только импульс для конкуренции, но и возможность удушения сильным слабым, и подрыв эффективности монополизмом, а также многое другое, включая разгул спекуляции и коррупции. То есть ничем не ограниченный либерализм – это свобода получения доходов любыми, в том числе плутовскими (что происходило в США путем построения кредитно-финансовой экономики) способами. И именно поэтому сейчас, из-за масштабных деформаций на почве нерегулируемого рынка в Америке, заявлено, что эра либерализма закончилась.

Везде в нормальных обществах имеет место синтез рынка (а значит, и процессов либерализации) с государством. Государство регулирует рынок, влияет на него. Государство своими правилами и стандартами как бы отсекает от рынка его негативные стороны и помогает ему делать добро. То есть держит его в приемлемых для общества (а в случае США и мировой экономики) рамках. По всем этим, а также и социальным причинам, всегда важно найти баланс между свободой и регулируемостью на важных для общества направлениях. Баланс этот особенно важен для технологического прогресса. Рынок как таковой с научно-техническим прогрессом не справляется. Наука нерегулируемому рынку не нужна, она ведь зачастую долго, а то и вовсе не приносит выгоды. Эйнштейн, к примеру, никогда не думал, что теория относительности может быть чем-то полезной. Резерфорд – открыватель ядра атома, – когда собирались друзья, поднимал тост за физику – красивую и бесполезную. И в наше время рынок напрямую, из-за фактора неопределенности, а также из-за длинных цепочек, ведущих к практике, не «хватается» за науку. Подталкивать к этому рынок через стимулы должно государство.

Без этого ни у нас, ни в Америке технологический прогресс невозможен. На горьком опыте мы в этом убедились. Когда в начале 90-х говорили: «чем меньше роль государства, тем лучше: рынок все сам расставит», и сразу волна рыночная, даже ларечная победила волну научно-технологическую, и просто технологическую, и научную. В итоге в Украине до сих пор научно-технологический прогресс не налажен. А высокотехнологичные комплексы были порезаны на металл и таким образом «использованы». И это - по причине неумения, да и нежелания соединить стимулирующее регулирование, идущее от государства, со стимулами, свойственными рынку. Почему «нежелание» - да потому, что наша неустойчивая власть (та или другая) живет сегодняшним днем и хочет иметь выгоды не когда-то, а «сегодня». Сейчас весь мир в кризисе. До этого кризисов с такими последствиями и с такими механизмами не было. Были кризисы масштабные, например, 1929-1933 гг., но это был кризис перепроизводства, то есть спроса и предложения. Кризис тот был, как и более ранние, чистильщиком. Он устранял с экономической арены рухлядь, которая накопилась, а значит способствовал технологическому обновлению. Ведь для того, чтобы приспособиться к низким ценам, обусловленным перепроизводством, нужно обновиться и снизить за счет этого себестоимость. Нынешний же кризис – это, прежде всего, кризис финансовых махинаций, а также кризис потребительства. Кроме того, это кризис цивилизационный, поскольку само потребительство есть следствие вырождения и загнивания протестантизма, ориентированного когда-то на трудовую этику и бытовую скромность. Кризис этот, согласно версиям, исходящим из самой Америки, есть также кризис всей западной цивилизации, которая, как когда-то Древний Рим, сходит с арены в результате «самоисчерпания». Известно в США и то, что в число мировых лидеров выходят в перспективе страны «БРИК» (Бразилия, Россия, Индия, Китай) во главе с Китаем. Кстати, аббревиатура БРИК впервые сформулирована Америкой. Причем во главу угла в этих выводах взята не сама по себе динамика развития, а перспектива, обусловленная подъемом энергии духа и воспроизводимая ренессансом цивилизационных ценностей этих стран. Так, известно, что Китай демонстрирует мощные импульсы развития на почве ренессанса ценностей конфуцианства, даосизма и буддизма, которые порождают эффект синергии на почве их взаимоусиления и взаимодополнения. Иной является природа всплеска энергетики народа России. Страна эта болезненно реагирует на поражения и, будучи униженной, всякий раз демонстрирует эффект разворачивающейся пружины после чрезмерного сжатия. То унижение, которое испытал русский народ во времена Ельцина, было сопоставимо с позором начального поражения времен Лжедмитрия, Наполеона и фашистского нашествия. Реакция была по сути адекватной; и страна (в отличие от Украины), сменила вектор движения «вниз» на движение «вверх». И это, в конце концов, изменило отношение к России и США, и лидеров Европы. Сначала - демонизация, а затем - хрупкое признание. Достаточно стать сильным, и тебя уважают. Конечно, с «бизнес-элитой» и у нас, и в России конфуз. Я сам был знаком с решением времен Горбачева, согласно которому первыми рыночниками были «определены» выпускаемые из тюрем преступники, сидевшие за экономические преступления. Академик РАН Л. Абалкин, бывший тогда заместителем Премьера Н. Рыжкова, убедительно доказывал, что успешный учитель, инженер или экономист с места враз не сорвется; что по-настоящему предприимчивые люди «собраны» в тюрьмах, причем часто по пустяшным, по новым временам, нарушениям в сфере экономики. Вскоре преступники, совершившие экономические преступления, из тюрем действительно были массово выпущены; они и стали первыми организаторами т.н. кооперативов. Вскоре, после крушения всей экономики, к ним в качестве, как правило, челночников добавился и контингент, состоящий из инженеров, учителей, научных работников. Но это уже было потом. Всех их крышевали бывшие и не бывшие бандиты. Этим последним – силовики. В дальнейшем из этого криминально-коррупционного месива путем естественно-противоестественного отбора вырастали олигархи; они срастались уже с высшей властью, что и определило судьбу рынка наших стран, а значит и судьбу и позиционирование в мире. А вот в Китае все делалось иначе, и там рыночниками оказались лучшие из лучших, отсюда и иной результат. Компартией было принято решение такое же, как и у нас – задействовать потенциал рынка. Была создана система селекции будущих руководителей – рыночников. Каждый партийный руководитель на своем предприятии должен был найти лучших из лучших. Важно, чтобы это были инициативные люди, люди высокой морали, чтобы они обладали деловыми качествами, достаточным образованием и т.д. И главное - свойствами лидерства. Этим людей с каждого предприятия «вытаскивали». Армию вытаскивали! И отправляли учиться. Самых достойных отправляли в Америку и Европу, остальных учили на месте. После того, как они проходили учебу, им давали в зависимости от бизнес-проекта рабочие места и первичный капитал. Кому-то торговое место, и деньги, и оборудование, для кого-то оснащалось помещение под мастерскую и т.д. Государство определило все эти процессы. А потом чиновники следили – у кого и как получается, у кого нет. Если не получается – его обратно возвращали на прежнее место. В дальнейшем именно из среды этих

«бизнес-новобранцев» вышли руководители крупных компаний мирового класса. И они в дальнейшем стали определять судьбу страны на мировых рынках, обеспечили ей экономический прорыв, а, значит, новое место в мировой иерархии. А это и есть реализация идей и традиций конфуцианства. Ведь главное в учении Конфуция – это кадры. В Китае возродили традиции экзаменов для чиновников. Чиновники со времен Конфуция избирались экзаменационным путем. Начиная с тех пор (а это две с половиной тысячи лет), каждый руководитель уезда должен был ежегодно выискивать талантливых молодых людей. То есть отбирать самых способных. Если он за год не мог отобрать, на другой год его наказывали или просто снимали. Для отобранных в уездах молодых людей проводились изощренные экзамены, которые выявляли способности. Талантливые педагоги улавливали существенное в характере человека, оценивали его способности, в том числе деловитость, быстроту реакции, впечатления о его моральности и т.д. И если из 10-15 одного выбирали – это для уезда большая удача. Та же процедура затем «перемещалась» на уровень провинций. Окончательный экзамен проходил в столице. После этого отобранные лучшие из лучших получали статус чиновника. Те, кто выдержал последний экзамен и стал чиновником, сразу получал сверхвысокую зарплату, которая была противодействием коррупционным искушениям. В Китае чиновник – почитаемый, даже культовый человек. В древности чиновники вступали в споры даже с императором. И император не имел права не реагировать на их послания, на их протесты, на их предложения. И эта традиция значимости чиновников проросла и в новом Китае. И не случайно Ли Куан Ю, бывший премьер и по сути основатель Сингапура, в своей книге «Сингапурская история» писал, что высшим чиновникам в Китае нет равных в мире. Таковы традиции, приносящие подлинный успех. Тут же напрашивается сравнение с тем, как это происходит в украинском обществе, как по итогам оранжевой революции запросто уволены были тысячи чиновников, а на их места пришли во многом некомпетентные активисты майданов; какое неприятие в отношении чиновника – представителя государства – культивируется в стране. А ведь это – неуважение к государству, к государственной власти, к общим ценностям. В результате получаем зависимость от милости олигархов инфантильную политику власти, которая оборачивается подталкиванием экономики и страны в целом в пропасть. Итоги налицо. А на все это наложился еще и углубляющийся по вине власти раскол по этносоциальным признакам. Я считаю, что спасти ситуацию должна автономия, федерация. Но у нас считают, что федерация – это преступление. Ну, во-первых, Россия – это Российская Федерация. А в Европе сколько федераций! Бельгия – федерация, Швейцария федеративная, Германия федеративная и т.д. Федерация, конечно, может быть и способом разрыва, но она может быть и базой консолидации. Все зависит от мудрости власти и от заложенной управленческой конструкции. Способ погасить пожар: вот вам права, вот вам ваш язык. Да, вы должны знать украинский, но вы имеете право на второй язык государственный в вашем околотке, и это может быть способом разрешения накопившихся проблем.

Нас убеждали, что мы выйдем легко из кризиса, потому что экономика Украины не интегрирована в мировую. А как получилось, что слабоинтегрированная Украина сразу заняла первое место в кризисе? Получилось так, что даже когда симптомы мирового кризиса были уже налицо, Украина взвалила на себя дополнительно «багаж» потребительских сделок, которые сродни «встречным обязательствам» по вхождению в кризис. Получилось, что на этом, т.е. предкризисном этапе, Украина со своей потребительской моделью как бы включилась в гонку за кризисом не только опосредованно, но и непосредственно. Поскольку на раскрутку эпидемии дорогих покупок денег у населения не хватало, компенсировать нехватку стали раздаваемые налево и направо непосильные для страны потребительские кредиты, причем взятые в основном у иностранных банков. В итоге страна, не догнавшая еще свой уровень двадцатилетнего прошлого и отставшая за годы независимости даже от самых небогатых стран Европы, повела себя нерационально. Наряду с упомянутыми деформациями Украину к вхождению в кризис подталкивала (в виде «родового проклятия») и идеологическая оснастка нашего рыночного реформаторства, реализующего в начале 90-х годов через губительную модель псевдорыночных реформ. Стране была навязана выгодная для Запада реформа, получившая название модели МВФ, или «Вашингтонского консенсуса». Соответствующие рекомендации, вызвавшие протесты ряда отечественных ученых, а также у группы Нобелевских лауреатов из США, нацеливали страну на т.н. шоковую (т.е. взрывную) терапию и последующий рыночный беспредел. Подходы эти, воплощенные в лозунгах, требующих приватизации и устранения государства, отбросили страну назад на десятилетия; лишили народ пакета социальных стандартов в виде бесплатного здравоохранения, образования, дешевого и массового жилья, доступного оздоровительного отдыха и других, немислимых сейчас привилегий. Напомню, что по итогам воплощения этой идеологии в практику украинская экономика претерпела рекордное по мировым меркам глубокое (на 65%) падение. Парадокс, однако, состоит в том, что упомянутая реформаторская идеология, обрушившая нашу страну и крайне уязвимая

с позиций кризиса, была разоблачена и отброшена везде, и лишь в Украине - наиболее пострадавшей стране - перед ней до сих пор преклоняются. И это тоже (из-за дефицита регулируемости) сформировало предпосылки кризиса. Сказалось на быстроте вхождения Украины в кризис и преобладание в стране «краткосрочности», которая сама по себе лишает страну антикризисной устойчивости. В ситуации же кризисной именно преобразования, нацеленные на долгосрочное будущее, ослабляют удары кризиса. Надо признать и то, что народ, лишенный веры в будущее, развернуть в русло долгосрочных преобразований непросто. Здесь нужны то ли де Голль, то ли Эрхард, которым граждане - ценой временного аскетизма - готовы были бы вручить судьбу будущего своих детей. Или же нужен Ата-тюрк, который заявил бы, что он, вопреки сопротивлению граждан, все же втащит народ в счастливое будущее страны. А впрочем, даже честолюбивого и верного высоким замыслам лидера сейчас, после стольких лет безверия, в Украине может ждать бессилие Сократа, который, ответствуя самонадеянной гетере, сказал: «Люди, конечно, потянутся за тобой, а не за мной, ведь я веду их вверх, а ты ведешь их вниз. Вниз идти легче». Впрочем, предкризисная Украина была настолько далека от долгосрочных проектов, что даже давно назревшую проблему модернизации низкотехнологичных экспортных производств страна проигнорировала, и в результате металлургические комбинаты в опасных для страны кризисных условиях оказались неконкурентоспособными. И это при том, что именно на эксплуатации металлургических гигантов, доставшихся Украине от советского прошлого, были выращены украинские олигархи, соперничающие с самыми богатыми европейцами. И не это ли есть свидетельство господства до сих пор в Украине идеологии ничем не ограниченного рынка, исповедующего законы джунглей. И не эта ли зависимая от милости олигархов инфантильная политика власти оборачивается подталкиванием экономики в жерло кризиса. Несомненно, страну подталкивал к кризису и управленческий хаос. Но Украина этим, похоже, даже гордится: считается, что происходящее в ней, в отличие от России, есть демократия. При этом не учитывается, что подлинная демократия - это жесткая власть закона, а не царящее в масштабе страны беззаконие, что присуще Украине. И еще одно обстоятельство - кризис трудно победить в условиях тотальной коррупции. Ведь антикризисная поддержка государством предприятий, столь важная для страны, в этом случае смещается от тех, кто вытаскивает страну из кризисной ямы, к тем, кто в эту яму, наоборот, глубже затягивает. Кроме того, царящая в стране коррупция дает сбой и в отношении антикризисных мер на внешнеэкономическом направлении. В таких условиях, как это случалось не раз, попытки оградить страну от усугубляющего кризис импорта с большой долей вероятности будут торпедированы продажными парламентскими лоббистами и т.д. Мне скажут, коррупция есть в каждой стране, и это верно. Но у нас она - как и в некоторых африканских странах - уже не осуждается. И это самое страшное. Ведь наличие всепронизывающей коррупции не побуждает нас к массовым протестам, да и о судебных решениях не слышно. И это, конечно же, фактор, существенно усугубляющий кризисную ситуацию.

Самая большая преграда на пути успешности страны - государственность, но не как система институтов, а как сознание субъектов, которые живут в той или иной стране. Возьмем Россию: в России разлиты в сознании народа желания, чтобы страна была мощной, чтобы она была империей. А в Украине сама история складывалась так, что народ, в каком-то смысле, разъединенный, склонный к самоизоляции. Эта разъединенность объяснима многими факторами. Украина - страна транзитируемая, по которой прокатывались волны: то турки, то татары, то поляки, то россияне. Трагичной в каком-то смысле была и эпопея, связанная с царицей Екатериной, которая предопределила «негосударственность» украинской ментальности. Речь идет о судьбе казачества. Когда было мощное казачество, оно специфическим образом утверждало украинскую государственность. Это была мощная сила, она была аналогом государства. И если бы это продолжалось, я думаю, что наличие этой мощной силы, в конце концов, трансформировалось бы в сильное государство. Но Екатерина понимала, что с этой силой можно не справиться, что может быть пассионарный взлет и отход от империи, и Украина лишилась лучших из лучших, пассионариев. А ведь именно пассионарии формируют мощную государственность. Система ценностей складывается веками, в том числе и ценностей государственности.

Еще один аспект позиционирования Украины в современном реструктуризирующемся мире. Для меня полшуткой кажутся слова «Мы идем в Европу». Парадокс состоит в том, что Евросоюз рушится, и он не вынесет Украины с ее тяжелыми проблемами. И если в дополнение к проблемам Греции, которая тянет ЕС вниз, и в дополнение к проседающим Италии, Португалии добавить еще и Украину, то эта деградирующая машина обрушит Евросоюз. Евросоюз не позволит сделать это с собой, во всяком случае способствовать этому не будет. Есть и еще одна проблема. Налицо лишь риторика: мы идем в Европу! Возникает вопрос: а кто такие «мы» и сколько «нас»? Ведь все опросы говорят о том, что плюс-минус у 1/2 - 2/3 массы населения преобладает тяга к России, даже несмотря на пропаганду, на враждебные выпады. В Европу хотят интегрироваться вожди и олигархи, потому что

если будет интеграция с Россией, то вожди будут просто губернаторами, а олигархи могут подвигнуться. Так что корона будет снята. А то, что в Европе наша знать будет второсортной, она не осознает. А между тем они должны задуматься, почему, когда речь идет о Таможенном союзе, то расчеты доходят до рублей, и выгоды известны. А на пути в ЕС нет никаких расчетов. Даже фантазии нет! И это не случайно. Ведь расчеты были бы не в нашу пользу. Те товары, которыми Европа перенасыщена, хлынули бы сюда. Те полумертвые заводы, которые пока что-то производят, исчезнут. А новые не появятся: это ведь не нужно Европе. Тем не менее, чутье и опыт последних лет нашим «прозападникам» подсказывает, что если сделать анализ, то разочарование неизбежно. Выиграют лишь те богачи (в том числе, кто при власти), у которых там и деньги, и особняки, и предметы роскоши. Выбор же в пользу интеграционных приоритетов России выгоден простым гражданам. Но они бессильны.

Что касается внешних, экспансивных, факторов реструктуризации мирового пространства, то, хочу напомнить, что когда у Путина спросили: что вы, как будущий Президент, считаете первым делом, за которое вы должны взяться после инаугурации, он ответил: «СНГ» (а это и Украина). То есть для Путина самая главная веха – восстановление величия страны, ее новое позиционирование в мировом пространстве, и он хорошо уяснил себе, что в историю входили в качестве столпов те, кто формировал империи. И наоборот, перечеркнуты были те, кто их разрушал. Например, Горбачев, что бы он ни привнес, перечеркнут, и Ельцин не войдет в историю как великий потому, что содействовал развалу могучей страны и шел на поводу у либеральных ценностей, приводящих к разрушению суверенитета. Но дело даже не в личных амбициях, а в том, что перекраивают мир взаимодополняющие страны и доминирование в мире обеспечивается за счет усиления этой взаимодополняемости. И это хорошо осознают в России, ставя своей целью реструктуризацию глобального пространства в своих интересах.